

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/135/>) Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО “АМАНАТ ИЛЬЯСОВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалоба № 27001/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

1 октября 2009 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ
1 марта 2010 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле “Аманат Ильясова и другие против России”,
Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:
Кристос Розакис, *Президент*,
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штейнер,
Дин Шпильман,
Сверре Эрик Йебенс,
Джорджио Малинверни,
Георгий Николаи, *судьи*,
и Андре Вампах, *заместитель Секретаря Секции*,
Заседая 10 сентября 2009 года за закрытыми дверями,
Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№27001/06) против Российской Федерации, поданной в Суд 16 июня 2006 года в соответствии со Статьей 34 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») тремя гражданами Российской Федерации, перечисленными далее в пункте 5 («заявители»).

2. Заявителей в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" (далее - “SRJI”), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представлял Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека г-н Г.Матюшкин.

3. 4 июня 2008 года Суд решил применить Правило 41 Регламента Суда и дал приоритет делу и уведомил Правительство о поданной жалобе. В соответствии с положениями Статьи 29 § 3 Конвенции Суд принял решение о рассмотрении жалоб по существу одновременно с рассмотрением вопроса об их приемлемости.

4. Правительство возразило против рассмотрения дела по существу одновременно с рассмотрением вопроса о приемлемости согласно Правилу 41 Регламента Суда. Рассмотрев возражение Правительства, Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители по делу:

1. г-жа Аманат (также пишется как Аминат) Ильясова, 1958 года рождения,
2. г-н Хизир Ильясов, 1954 года рождения,
3. г-жа Хадижат Дудаева, 1984 года рождения,

6. Заявители являются гражданами России и проживают в селе Мескер-Юрт Чеченской Республики.

7. Первая и второй заявители являются родителями Мусы (также пишется как Мусса) Хизировича Ильясова, 1980 года рождения; третья заявительница – его жена.

А. Похищение и последующее исчезновение Мусы Ильясова

1. Позиция заявителей

8. В то время, когда описываемые события имели место, Муса Ильясов, жил со своей женой и родителями по адресу: улица Ленина, дом 91 в отдельном домовладении, состоящем из двух домов и общего двора. Территория была огорожена забором и имела общие ворота. Первый и второй заявители жили в одном доме, к которому был пристроен продовольственный магазин, принадлежавший семье. Муса Ильясов и третий заявитель, которые поженились в конце июня по местному обряду, жили во втором доме.

9. Ночью 11 августа 2002 года заявители и Муса Ильясов спали в своем доме, третий заявитель и Муса Ильясов спали в другом доме.

10. Между 4 и 5 часами утра к воротам дома заявителей подъехала группа из 9-10 вооруженных людей в масках и в зеленой камуфляжной форме на двух БТРах (бронированная машина пехоты), двух машинах УАЗ (*таблетка*). Их прибытие засвидетельствовала г-жа А., которая проживала по адресу: улица Ленина, 67, и которая была разбужена шумом техники, проезжающей мимо ее дома. Когда она попыталась приблизиться, то увидела, как группа около 10 человек в камуфлированной форме и масках блокирована дом заявителей по периметру. Она предположила, что это были военные. Они приказали ей немедленно уйти, угрожая расстрелом, если она не послушается. Таким образом, она вернулась домой. Большая часть группы вошла в продуктовый магазин, пристроенный к дому первого и второго заявителей. Они вынесли коробки с разными продуктами, такими как сок, сигареты и куриные окорочка.

11. В это же время несколько злоумышленников вошли в дом первого и второго заявителей. Один из них направил оружие на заявителей. Заявители увидели, что он был в камуфляжной форме и маске. Заявители считают, что это были российские военнослужащие, так как они говорили по-русски без акцента, носили камуфлированную форму, были вооружены автоматическим оружием и имели обычное военное снаряжение. Один из военных в маске попросил второго заявителя представиться. Второй заявитель назвал свое имя и показал паспорт. Проверив документы, военный спросил у второго заявителя, есть ли другие мужчины в доме. Второй заявитель ответил, что здесь находится его сын, и сразу спросил, не заберут ли его сына. Военные уверили его, что они просто пришли проверить, не прячется ли в доме кто-либо из боевиков, и что они не собираются никого задерживать. Солдаты быстро обыскали дом.

12. Между тем, несколько вооруженных человек вошли в дом, где спали третий заявитель и Муса Ильясов. Военные говорили по-русски без акцента. Они проверили паспорт Мусы Ильясова, проверили его и забрали с собой. Один офицер сказал другому: «Это не тот человек. Это Муса Ильясов», а другой ответил: «Ну и что? Мы с этим позже разберемся». Они надели наволочку на голову Мусе Ильясову, надели на него наручники и вывели наружу в нижнем белье. Когда третья заявительница попыталась возразить против ареста сына, солдаты пригрозили ей и велели не поднимать шум. Всем заявителям приказали оставаться в доме. В частности, военный, который остался с первым и вторым заявителями, приказал им не покидать дом в течение 15 минут и предупредил, что он останется около ворот, чтобы наблюдать за ними. Дверь дома оставалась открытой, и первый и второй заявители могли видеть два БТР у ворот. Третья заявительница видела БТР и УАЗ за домом. Она также видела, как военные вели Мусу Ильясова в нижнем белье и с наволочкой на голове.

13. На улице Мусу Ильясова посадили в одну из стоящих у ворот машин. Машины уехали по Гудермесской трассе в направлении перекрестка на Мескер-Юрт и Аргун.

14. Когда БТРы и УАЗ уехали, второй заявитель вышел на улицу. В это же время г-жа А

вместе со своим мужем пришли к дому заявителей. Второй заявитель на машине попытался последовать за техникой по следам от колес БТР и УАЗ. Он доехал до блокпоста федеральных сил, расположенного на краю села, и спросил у военнослужащих, видели ли они колонну из нескольких машин БТР. Несмотря на то, что на земле были следы БТР, военнослужащие отрицали, что видели технику. В этот же день г-жа А. и ее муж также ездили к этому блокпосту. Она описала военнослужащим машины БТР и УАЗ, которые она видела, и спросила в каком направлении они уехали, но военные отказались сообщить какую-либо информацию.

15. В своих показаниях своим представителям первая заявительница также упоминала, что ее соседи видели автомобиль «Нива».

16. Заявители не имеют никаких известий о Мусе Ильясове с 11 августа 2002 года.

17. Согласно показаниям первой заявительницы, спустя три дня после похищения Мусы Ильясова у третьей заявительницы произошел выкидыш. Заявители не представили подтверждений этому факту.

18. Описание событий основывается на показаниях, данных представителям заявителей: на показаниях, данных первой заявительницей 16 августа 2005 года; на показаниях, данных вторым заявителем 15 июня 2006 года; на показаниях, данных третьей заявительницей 16 августа 2005 года; на показаниях, данных г-жой А. 15 июня 2006 года, а также на нарисованном от руки плане дома заявителей, расположенного в селе Мескер-Юрт.

19. В своих показаниях от 16 августа 2005 года первая заявительница, говоря о третьей заявительнице, называет ее «жена сына Хадижат Исмаиловна Дудаева» и «невестка Хадижат».

2. Информация, предоставленная Правительством

20. Согласно Меморандуму Правительства, «неопознанные вооруженные люди в камуфляжной форме похитили Мусу Ильясова из его дома в селе Мескер-Юрт, улица Ленина, дом 91, и увезли в неизвестном направлении».

В. Поиски Мусы Ильясова и официальное расследование похищения

1. Позиция заявителей

21. 11 августа 2002 года был воскресенье, 12 августа 2002 года первая и второй заявители пошли в город Шали. Они обратились с жалобой о похищении Мусы Ильясова в Шалинский районный отдел внутренних дел (РОВД) и Шалинскую районную прокуратуру (далее — районная прокуратура). Согласно показаниям второго заявителя, районная прокуратура официально зарегистрировала его жалобу. Заявители не представили копии этих жалоб.

22. В неустановленное время районная прокуратура возбудила уголовное расследование похищения Мусы Ильясова по статье 126 п.2 Уголовного Кодекса РФ (похищение при отягчающих обстоятельствах). Материалам дела был присвоен номер 59232.

23. 5 сентября 2002 года районной прокуратурой второму заявителю предоставлен статус потерпевшего по уголовному делу № 59232 и об этом заявитель был уведомлен с этот же день.

24. 10 сентября 2002 года прокуратура Чеченской Республики направила жалобу второго заявителя о похищении его сына в районную прокуратуру для рассмотрения.

25. Письмами от 23 сентября 2002 года республиканская прокуратура сообщила первому и второму заявителям о том, что их жалобы от 27 августа 2002 года относительно похищения Мусы Ильясова будут рассмотрены. Заявителям сообщили, что районной прокуратурой

заведено уголовное дело в связи с похищением Мусы Ильясова и заявителям следует направлять обращения в районную прокуратуру.

26. 29 октября 2002 года первая заявительница написала письма министру внутренних дел Чеченской Республики и прокурору Чеченской Республики. В своих письмах она подробно описала обстоятельства похищения ее сына 11 августа 2002 года. Она сообщила, что он был похищен вооруженными военнослужащими Российских федеральных войск в камуфляжной форме. Она указала, что военные прибыли на БТРах и УАЗ, что соседи также видели БТР и другой автомобиль УАЗ и, вероятно, БМП. Заявительница требовала, что похищение Мусы Ильясова было расследовано и допрошены соседи об обстоятельствах инцидента.

27. 1 ноября 2002 года прокуратура Чеченской Республики передала жалобу заявительницы о похищении сына в районную прокуратуру «для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела и организации следствия о похищении неустановленными вооруженными лицами Мусы Ильясова».

28. 5 ноября 2002 года из МВД Чеченской Республики направили просьбу первой заявительницы об оказании помощи в поиске ее сына в Шалинский РОВД для организации поиска.

29. 11 ноября 2002 года прокуратура Чеченской Республики информировала Специального представителя Президента Российской Федерации по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике о том, что Шалинской районной прокуратурой ведется расследование дела о похищении Мусы Ильясова.

30. 19 ноября 2002 года прокуратура Чеченской Республики сообщила заявителям о том, что в неуточненный день расследование уголовного дела №59232 приостановлено, но ведутся оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление виновников преступления.

31. Письмом от 28 ноября 2002 года прокуратура республики уведомила первую заявительницу, что районная прокуратура ведет уголовное дело №59232 и что неуточненные оперативно-розыскные мероприятия проводятся с целью установить местонахождение Мусы Ильясова.

32. 29 ноября и 10 декабря 2002 года первая заявительница вновь отправила письма в МВД Чеченской Республики и ряд других государственных властей. В своих письмах она указала, что ее сын был похищен 11 августа 2002 года военнослужащими российских федеральных войск в камуфляжной форме, прибывшими на БТРах.

33. 9 января 2003 года прокуратура Чеченской Республики сообщила первой заявительнице, что Шалинской районной прокуратурой ведется расследование дела о похищении ее сына.

34. Письмом от 5 февраля 2003 года Шалинский РОВД сообщил первой заявительнице о том, что 19 сентября 2002 года Шалинской районной прокуратурой заведено уголовное дело № 59232 в связи с похищением ее сына. В письме указывалось, что следственные действия не привели к установлению местонахождения Мусы Ильясова; однако, оперативно-розыскные мероприятия, направленные на раскрытие преступления, продолжаются.

35. 20 февраля 2003 года прокуратура Чеченской Республики сообщила первой заявительнице о том, что Шалинской районной прокуратурой ведется расследование уголовного дела № 59232, заведенного в связи с похищением ее сына.

36. 5 апреля 2003 года военная прокуратура Объединенной группировки Войск (военная прокуратура ОГВ) направила жалобу первой заявительницы о похищении сына в военную прокуратуру воинской части № 20116 на расследование.

37. 17 апреля 2003 года прокуратура Чеченской Республики сообщила первой заявительнице о том, что Шалинской районной прокуратурой ведется расследование уголовного дела № 59232, заведенного в связи с похищением ее сына. Согласно письму, в

ходе расследования получена информация о спецоперациях, проводившихся в селении Мескер-Юрт в августе 2002 года, а также некоторая информация от Шалинского отдела Федеральной службы безопасности (Шалинского отдела ФСБ) и Шалинской военной комендатуры. Однако, несмотря на все это, установить местонахождение Мусы Ильясова не удалось. В письме также указывается, что расследование уголовного дела было приостановлено в неуточненный день согласно статье 208 § 1 (1) Уголовно-процессуального кодекса, то есть за невозможностью установления виновных в совершении преступления.

38. 30 июля 2003 года прокуратура Чеченской Республики направила просьбу первой заявительницы о помощи в поиске сына в Шалинскую районную прокуратуру для приобщения к материалам уголовного дела.

39. 1 августа 2003 года военная прокуратура ОГВ сообщила первой заявительнице о том, что в ходе рассмотрения ее жалобы о похищении Мусы Ильясова военной прокуратурой воинской части № 20116 местонахождение ее сына установить не удалось. Согласно письму, расследование уголовного дела, заведенного в связи с похищением сына заявительницы, ведется Шалинской районной прокуратурой, и что всю информацию относительно хода расследования можно получить там.

40. 4 августа 2003 года и 12 августа 2003 года прокуратура Чеченской Республики сообщила первой заявительнице о том, что ее ходатайства рассмотрены и приобщены к материалам уголовного дела №59232 и что проводятся оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление местонахождения Мусы Ильясова.

41. 15 августа 2003 года прокуратура Чеченской Республики сообщила первой заявительнице о том, что ее просьба об оказании помощи в поиске ее сына рассмотрена. Согласно письму, в ходе расследования уголовного дела №59232, заведенного 19 сентября 2002 года, местонахождение сына заявительницы, а также виновных в совершении преступления установить не удалось. В связи с этим расследование уголовного дела приостановлено 19 ноября 2002 года. 15 августа 2003 года прокуратура Чеченской Республики отменила данное решение в связи с незавершенностью уголовного расследования и издала ряд приказов следственным органам, род которых не уточняется. Ведутся оперативно-розыскные мероприятия, направленные на раскрытие преступления.

42. 15 августа 2003 года отдел ФСБ Чеченской Республики информировал первую заявительницу о том, что ее жалоба о похищении Мусы Ильясова рассмотрена. В письме указывалось, что сотрудники их отдела в задержании сына заявительницы не участвовали; что властями проведены определенные действия по установлению местонахождения ее сына и виновных в совершении преступления. Согласно документу, Муса Ильясов не подозревался в совершении преступления.

43. 11 сентября 2003 года Министерство внутренних дел Чеченской Республики направило жалобу первой заявительницы о помощи в поиске сына на рассмотрение в Шалинский РОВД. 29 января 2004 года Шалинский РОВД информировал первую заявительницу о том, что районной прокуратурой ведется расследование дела о похищении ее сына, и что властями принимаются определенные меры по установлению его местонахождения. 24 февраля 2004 года РОВД информировал первую заявительницу о том, что ее просьба о помощи в поиске Мусы Ильясова передана в районную прокуратуру.

44. 23 апреля 2004 года прокуратура Чеченской Республики сообщила первой заявительнице о том, что ее просьба о помощи в поиске сына приобщена к материалам уголовного дела.

45. 17 августа 2004 года районная прокуратура сообщила первой заявительнице о том, что ее просьба о помощи в поиске сына приобщена к материалам уголовного дела. В письме также говорится, что расследование уголовного дела № 59232 приостановлено, дата не указывается; ведутся оперативно-розыскные мероприятия, направленные на раскрытие

преступления.

46. 8 сентября 2004 года прокуратура Чеченской Республики передала две жалобы первой заявительницы в районную прокуратуру для приобщения к материалам уголовного дела, а также попросила последнюю инстанцию усилить оперативно-розыскные мероприятия, направленные на раскрытие дела о похищении Мусы Ильясова.

47. 14 сентября 2004 года прокуратура Чеченской Республики сообщила первой заявительнице о том, что ее просьба о помощи в поиске сына приобщена к материалам уголовного дела; ведутся оперативно-розыскные мероприятия, направленные на раскрытие преступления.

48. 4 октября 2004 года из Государственной Думы Российской Федерации направили жалобу первой заявительницы о похищении сына в Генеральную прокуратуру РФ на рассмотрение.

49. 7 февраля 2005 года жалоба первой заявительницы о похищении сына передана Министерством внутренних дел Чеченской Республики в Шалинский РОВД для расследования.

50. 5 марта 2005 года Шалинская районная прокуратура сообщила первой заявительнице о том, что ее жалоба о похищении Мусы Ильясова приобщена к материалам уголовного дела.

51. 30 сентября 2005 года Шалинский РОВД сообщил первой заявительнице о том, что ее просьба о помощи в поиске сына рассмотрена. Согласно письму, в дополнение к уголовному делу № 59232 районной прокуратурой заведено оперативно-розыскное дело с целью установления местонахождения Мусы Ильясова. Властями проверяется версия вероятности причастности к похищению Мусы Ильясова представителей российских вооруженных сил, российских военнослужащих, а также членов незаконных вооруженных групп. В письме отмечается, что в рамках мероприятий по поиску сына заявительницы, РОВД направит в будущем запросы о предоставлении информации в Шалинскую военную комендатуру и другие правоохранительные органы Чеченской Республики.

52. 14 ноября 2005 года представители заявителей направили письмо в районную прокуратуру с просьбой предоставить информацию о ходе и результатах расследования уголовного дела № 59232, а также предоставить первой заявительнице статус пострадавшей в процессе уголовного дела.

53. 18 декабря 2005 года районная прокуратура сообщила первой заявительнице о том, что обращение от 14 ноября 2005 года рассмотрено. В письме отмечается, что второму заявителю уже предоставлен статус потерпевшего в ходе уголовного дела № 59232; что расследование уголовного дела приостановлено в неуточненный день за невозможностью установить виновных в совершении преступления.

2. Информация, предоставленная Правительством

54. По жалобе первой заявительницы на похищение ее сына Мусы Ильясова районная прокуратура возбудила уголовное дело по Статье 126 ч.2 УК РФ. Материалам дела был присвоен номер 59232. Правительство не указало дату начала расследования и не представило копию постановления о возбуждении уголовного дела.

55. 5 сентября 2002 года второй заявитель был признан потерпевшим в ходе уголовного дела №59232 и допрошен. Он показал, что около 4 часов 11 августа 2002 года неизвестные люди в камуфляжной форме, вооруженные автоматическим оружием вторглись в их дом. Муса Ильясов и его супруга, которые поженились за месяц до случившихся событий, находились в отдельном доме, расположенном в этом же дворе. Двое вооруженных людей вошли в дом второго заявителя. Они не представились. Они были в масках. Они проверили паспорт второго заявителя и спросили, есть ли в доме другие мужчины. Второй заявитель ответил, что здесь же проживает его сын. Один из вооруженных людей остался в доме

второго заявителя, где оставались первый и второй заявителя. Второй заявитель не видел, как выводили его сына, но видел, как вооруженные люди в камуфляже уезжали на БТР и автомобиле УАЗ серого цвета. Второй заявитель не смог описать похитителей, так как они были в масках. Во время нахождения в доме второго заявителя, похитители обыскали дом. Однако впоследствии никакие ценности не пропали. Муса Ильясов не был причастен к деятельности незаконных бандформирований. Второй заявитель предполагал, что его сына похитили военнослужащие федеральных сил. Копия протокола допроса второго заявителя была предоставлена Правительством и содержала данные его паспорта.

56. 5 сентября 2002 года следователи допросили первую заявительницу в качестве свидетеля. Она показала, что около 4 часов утра 11 августа 2002 года неизвестные вооруженные люди в камуфляже и масках ворвались во двор семейного дома. Муса Ильясов, который женился за месяц до этого, жил в отдельном доме, располагавшемся в этом же дворе, где был дом первой и второго заявителей. Двое вооруженных мужчин в масках вошли в дом первого и второго заявителей. Они не представились, затем попросили предъявить паспорта. Они проверили документы заявителей, спросили, есть ли в доме другие мужчины. Второй заявитель ответил, что сын живет здесь же. Один из вооруженных людей покинул помещение, другой остался в доме и не выпускал первого и второго заявителей на улицу. Первая заявительница не видела, как задерживали ее сына, но она видела, как люди в масках уехали на БТР и УАЗе. Первая заявительница показала, что Мусу Ильясова забрали в нижнем белье и также изъяли его паспорт. Она сообщила, что Муса Ильясов не был причастен к незаконным вооруженным формированиям. Копия протокола допроса первого заявителя была предоставлена Правительством и содержала данные ее паспорта.

57. В неуказанное время районная прокуратура запросила Шалинское отделение ФСБ, РОВД и военную комендатуру Шалинского района предоставить информацию о том, проводили ли какие-либо органы власти спецоперацию в селе Мескер-Юрт, задерживался в ходе спецоперации Муса Ильясов и состоял ли он на учете как участник незаконных вооруженных формирований или как лицо, совершившее иные преступления, а также о проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление местонахождения Мусы Ильясова и лиц, совершивших его похищение. Согласно Правительству, в ответах из различных государственных структур отрицался факт проведения спецоперации в селе Мескер-Юрт 11 августа 2002 года; говорилось, что Муса Ильясов не арестовывался и не состоял на учете, как член незаконных вооруженных формирований или преследуемый за преступления. Оперативно-розыскные мероприятия, проведенные властями, не позволили установить его местонахождение или лиц, причастных к его похищению.

58. В ходе расследования также в неуказанное время был проведен осмотр места происшествия, подворный обход улицы Ленина, проверены центральная районная больница города Шали и медпункты Шалинского района. В результате проведенных мероприятий никакие значимые для дела сведения не были получены.

59. Правительство также указало, что 10 сентября 2003 года следователи допросили г-жу С. в качестве свидетеля. Она показала, что Муса Ильясов был ее мужем и что они жили вместе по адресу улица Ленина, 91 в селе Мескер-Юрт. Показания г-жи С. совпадают с показаниями первой заявительницы, данными 5 сентября 2003 года. В последней части допроса, в частности, г-жа С. показала:

«11 августа 2002 года к нам в дом, примерно в 4 часа утра вошли неизвестные в количестве 3х человек, одетые в камуфлированную форму одежды и маски, вооруженные автоматами, которые не представились, стали проверять документы. Когда проверили документы у мужа, то сказали, что заберут его с собой для выяснения каких-то вопросов. Но не объяснили, каких и куда заберут. На мужа надели наручники и в одних шортах вывели на улицу. Люди в

масках уехали на автомашине УАЗ и БТРе. Номера на бортах техники и машины я не видела. Лиц, которые увезли моего сына я описать не могу. Из дома ничего не пропало».

60. Копия допроса г-жи С. была представлена Правительством в Суд, но в ней не содержались точные паспортные данные свидетельницы, в соответствующем разделе указывалось только, что «личность удостоверена».

61. Согласно Правительству, расследование по уголовному делу №59232 продолжается.

62. Не смотря на запросы Суда Правительство, не представило документы из материалов дела №59232, кроме вышеупомянутых протоколов допроса первого и второго заявителей, а также г-жи С. Правительство ссылалось на то, что следствие по делу продолжается и что раскрытие всех материалов дела было бы нарушением Статьи 161 УПК РФ, поскольку они содержат личные данные о свидетелях и других участниках уголовного процесса.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

63. См. соответствующее национальное законодательство, например, в деле *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, no. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007.

ПРИМЕНИМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВА ТРЕТЬЕЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ ПОДАЧУ ЖАЛОБЫ

A. Доводы сторон

64. Правительство утверждало со ссылкой на протокол допроса г-жи С., что именно она была женой Мусы Ильясова, и указало на критерий *ratione personae* в отношении третьей заявительницы.

65. Заявители сообщили, что не знакомы с г-жой С. и указали, что именно Хадижат Дудаева была гражданской женой Мусы Ильясова, то есть, они жили не зарегистрировав свои отношения. Заявители представили два акта, составленные 30 октября 2008 года, согласно которым двое жителей села Мескер-Юрт, г-н Ам. и г-н В. подтвердили, что Хадижат Исмаиловна Дудаева, 1984 года рождения, была женой Мусы Ильясова, 1980 года рождения. Акты содержали точные паспортные данные г-на Ам. и г-на В. и их адреса фактического проживания в селе Мескер-Юрт. Подлинность их подписей была заверена главой администрации и имамом села Мескер-Юрт. Акты были заверены двумя печатями.

B. Оценка Суда

66. В связи с заявлением Правительства относительно третьей заявительницы, Суд повторяет, что слово "жертва" в контексте Статьи 34 Конвенции означает лицо, непосредственно пострадавшее от действий или бездействия (см. *Lydi v Switzerland*, 15 июня 1992, § 34, Серия А, №238). Конвенцией установлено с учетом судебной практики, что родитель, брат, сестра или племянник человека, смерть которого, как утверждается, была отнесена на счет Государства-ответчика, не может претендовать на статус жертвы предполагаемого нарушения Статьи 2 Конвенция даже в тех случаях, когда идет речь о более близких родственниках, таких, как дети умершего лица, не подавшие заявки (см. *Velikova v. Bulgaria* (решение), №41488/98, 18 мая 1999 года, с дальнейшими ссылками). Кроме того, в

ряде случаев, когда жалобы о смерти лица были поданы его или ее партнером, и их отношения не были формально зарегистрированы, Суд признавал, что последний мог быть признан лично пострадавшим, и, следовательно, жертвами предполагаемых нарушений Конвенции в отношении смерти его или ее партнера и последующего расследования (см. *Ceyhan Demir and Others v. Turkey*, no. 34491/97, § 85, 13 January 2005; *Bzak and Others v. Turkey (dec.)*, nos. 75527/01 and 11837/02, 28 March 2006; and *Velikova*, цит. выше).

67. Суд указывает на то, что первый, второй и третий заявители представили свои жалобы по одной и той же форме и их представителями являются одни и те же юристы. В своем заявлении от 16 августа 2005 года, поданном в Суд, первая заявительница, ссылаясь на третью заявительницу, называла ее женой "сына Хадижат Исмаиловой Дудаевой" и ее "невесткой Хадижат". Заявители указали, что третья заявительница гражданская жена Мусы Ильясова. Они подали акты от имени жителей своего села в этой связи, заверенные главой администрации и имамом села, и Суд не видит никаких причин сомневаться в подлинности или достоверности этих документов. Что касается протокола допроса г-жи С., представленного Правительством, Суд отмечает, что он не содержит никаких ссылок на данные документов, удостоверяющих личность, тогда как другие протоколы допросов, представленные Правительством, содержали такие сведения. Кроме того, этот протокол почти дословно повторяет текст протокола допроса первой заявительницы и в одном случае Муса Ильясов упоминается как "сын" г-жи С. (см. пункт 59 выше). В любом случае, задача Суда в данном деле состоит не в установлении личности г-жи С. или ее возможной связи с заявителями, особенно учитывая тот факт, что Правительство не предоставило никакой дополнительной информации по этому вопросу. Суду необходимо решить, может ли третья заявительница претендовать на статус жертвы предполагаемого нарушения Конвенции в связи с исчезновением Мусы Ильясова.

68. Внимательно рассмотрев доказательства, представленные заявителями, Суд находит их последовательность и согласованность и приходит к выводу, что нет оснований сомневаться в том, что третья заявительница и Муса Ильясов состояли в гражданском браке, и что она присутствовала в их доме в момент его похищения. Суд, таким образом, удовлетворен тем, что третья заявительница имеет основания жаловаться на исчезновение Мусы Ильясова, и отклоняет возражения Правительства по данному поводу.

II. ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

А. Доводы сторон

69. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой из-за не исчерпания внутригосударственных средств защиты. Правительство сообщило, что следствие по делу об исчезновении Мусы Ильясова еще не окончено. Оно также утверждало, что заявители могли предъявить жалобы в суд или в вышестоящую прокуратуру на действия или бездействия следственных или иных правоохранительных органов, однако они не воспользовались данным средством правовой защиты. Они также могли предъявить гражданский иск в суд и требовать возмещения ущерба, но они не сделали этого.

70. Заявители оспорили это возражение и сообщили, что уголовное расследование проводилось неэффективно.

В. Оценка Суда

71. Суд повторяет, что правило об исчерпании внутренних средств правовой защиты по ч. 1 Статьи 35 Конвенции обязывает заявителей использовать сначала средства правовой защиты, доступные и достаточные во внутренней правовой системе, которые дают право получить возмещение за причинённый ущерб. Такие средства правовой защиты должны быть достаточно определёнными не только в теории, но и на практике, в противном случае они не обладают требуемой доступностью и эффективностью. Часть 1 статьи 35 также требует, чтобы жалобы, которые предполагается рассмотреть Судом, были переданы в надлежащие национальные органы, и были рассмотрены ими, по меньшей мере, по существу и согласно формальным требованиям и в сроки, предусмотренные национальным законодательством, а также, чтобы были использованы все процессуальные средства, которые могли бы предотвратить нарушение Конвенции. Однако не существует обязательства использовать правовые средства, которые являются бесполезными или неэффективными (см. *Aksoy v. Turkey*, 18 декабря 1996 года, §§ 51-52, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI; *Akdivar and Others v. Turkey*, 16 сентября 1996 года, §§65-67, *Reports* 1996 IV, и самые последние *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, по 41964/98, § 64, 27 июня 2006 года).

72. Бремя доказывания лежит на Правительстве, утверждающим о не исчерпании всех средств правовой защиты, которые должно указать Суду с достаточной ясностью на неиспользованные заявителем средства и убедить Суд, что эти средства были эффективными и доступными как теоретически, так и практически в то время, когда происходили события, то есть, что они были доступны, позволяли заявителю получить компенсацию за причинённый ущерб и имели обоснованные перспективы на успех (см. *Akdivar and Others*, цит. выше, § 68, или *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan*, цит. выше, § 65).

73. Суд отмечает, что в российской правовой системе у жертвы неправомерных и противозаконных действий государства и его представителей в принципе имеется два пути восстановления нарушенных прав, а именно: гражданское и уголовное судопроизводство.

74. Что касается гражданского иска о возмещении ущерба, нанесенного незаконными действиями или противоправным поведением представителей государства, Суд уже постановил в ряде аналогичных случаев, что такой иск не является решением вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции. Само по себе рассмотрение гражданского иска в суде не предполагает проведения независимого расследования и не способно в отсутствие результатов следствия по уголовному делу привести к установлению виновных в совершении убийств или похищений людей, а тем более привлечь их к ответственности (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, №57942/00 и 57945/00, §§ 119-121, 24 February 2005, и *Estamirov and Others v. Russia*, цит. выше, § 77). В свете вышесказанного Суд подтверждает, что заявители не были обязаны подавать гражданский иск.

75. Что касается уголовных средств правовой защиты, имеющих в Российском законодательстве, Судом установлено, что заявители обратились с заявлениями в правоохранительные органы сразу после похищения Мусы Ильясова, и что следствие по делу ведется с сентября 2002 года. Заявители и Правительство оспаривали эффективность проведенного расследования.

76. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства поднимает вопросы, связанные с эффективностью расследования уголовного дела, и что они тесно связаны с существом жалоб заявителей. Поэтому указанное возражение должно быть объединено с рассмотрением дела по соответствующим положениям материальной части Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

77. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что их родственник был лишен жизни после задержания российскими военнослужащими, и государственные органы не провели эффективного расследования данного дела. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

А. Доводы сторон

1. Правительство

78. Правительство утверждало, что органами следствия не получено данных о том, что к похищению Мусы Ильясова и предполагаемому убийству причастны представители федеральных силовых структур. Правительство предположило, что преступление могло быть совершено боевиками. Оно также заявило, что нет никакой информации о проведении какой-либо спецоперации в селе Мескер-Юрт на момент похищения, и никакие государственные органы официально не подтвердили факт его содержания. Муса Ильясов не подозревался в причастности к деятельности незаконных бандформирований или каких-либо преступлениях, таким образом, власти не имели никаких оснований для его ареста. Во всяком случае, его тело не было обнаружено.

79. Правительство также указало на то, что заявители не могли опознать похитителей или предоставить любую информацию о регистрационных номерах указанных автомобилей или направление, в котором они ушли. Тот факт, что похитители носили форму и были вооружены не был, сама по себе, достаточным, чтобы доказать их причастность к государственным структурам. В любом случае, следует обратить внимание на то, что значительное количество вооружения было похищено со складов российских сил боевиками в 1990-х годах. Аналогичным образом, хотя заявители утверждали, что их родственник был похищен с территории, находящейся под контролем федеральных сил, было несколько ситуаций, когда боевики представлялись служащими вооруженных сил, используя подложные удостоверения личности и другие документы.

80. Кроме того, имели место некоторые противоречия в показаниях заявителей. Во время допроса следственными органами заявители утверждают, что похитители прибыли на БТР и автомобиле УАЗ. В заявлениях своим представителям заявители упомянули два БТР и, ссылаясь на другие свидетельства, УАЗ и автомобиль "Нива". Наконец, ни один из заявителей не видел, как похитители посадили Мусу Ильясова в какое-либо из этих транспортных средств.

81. Кроме того, Правительство утверждало, что расследование похищения было эффективным и находится на рассмотрении независимым государственным органом. Второй заявитель был признан потерпевшим в связи с этим уголовным делом. Следователи провели комплекс оперативно-розыскных мероприятий. Хотя расследование было приостановлено

несколько раз, власти предприняли все попытки установить обстоятельства похищения Мусы Ильясова.

2. Заявители

82. Заявители утверждали, что вне разумных сомнений люди, которые увезли Мусу Ильясова, были агентами государства. В поддержку своего утверждения они ссылаются на следующее. В то время село Мескер-Юрт находилось под контролем федеральных войск, и проезд в село был возможен только через охраняемые контрольно-пропускные пункты. Похитители использовали военно-транспортные средства, в частности, бронетранспортеры и, следовательно, не могли пройти через блокпосты незамеченными. Если бы эти транспортные средства были использованы боевиками, то военнослужащие на контрольно-пропускных пунктах отреагировали бы, в самом крайнем случае они бы сделали это после того, как второй заявитель прибыл на один из блокпостов и предупредил военнослужащих о похищении Мусы Ильясова. Кроме того, похитители говорили по-русски без акцента, и этот факт должен рассматриваться как подтверждающий правдивость показаний заявителей. Родственник заявителей был похищен в ситуации, угрожающей жизни, и отсутствие каких-либо известий о нем заставляют предположить, что он был убит.

83. Заявители также утверждали, что расследование похищения их родственника не отвечало требованиям эффективности и полноты, как того требует Статья 2 Конвенции. Правительство не смогло дать точные даты начала расследования. Заявители были в некотором непонимании в связи с этим, потому что в ответах некоторых властей о дате возбуждения дела указывалось 19 сентября 2002 года, а в других - 19 ноября 2002 года. Если принимать во внимание последнюю дату, то значит, расследование было начато спустя пять недель после того, как властям стало известно об исчезновении. Следователи отказались допросить каких-либо представителей вооруженных сил, которые могли быть причастны к исчезновению, и ограничились только направлением письменных запросов в различные органы государства. Заявители не были надлежащим образом проинформированы о каких-либо существенных изменениях в ходе расследования. Наконец, расследование приостанавливалось несколько раз, и не были получены какие-либо значимые результаты.

А. Оценка Суда

1. Приемлемость

84. Суд считает в свете представленных сторонами аргументов, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, для решения которых необходимо рассмотрение жалобы по существу. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого не исчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. пункт 76 выше). Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь Мусы Ильясова

i. Основные принципы

85. Суд повторяет, что в свете важности той защиты, которая гарантирует Статья 2, Суд

должен подвергать все случаи лишения жизни тщательному рассмотрению, учитывая не только действия представителей государства, но и сопутствующие обстоятельства. Задержанные лица находятся в уязвленной ситуации и государство должно отвечать за обращение с задержанным лицом, что является особенно важным тогда, когда человек впоследствии умирает или пропадает (см. помимо других дел, *Orhan v. Turkey*, no. 25656/94, § 326, 18 июня 2002, и дела, указанные выше). Если события, о которых идёт речь, полностью или в большой степени известны только властям, как в случае, когда лица задержаны и находятся под контролем властей, любое ранение или смерть, наступившие во время задержания, дают повод к веским доказательствам. В силу этого факта бремя доказывания ложится на власти, которые должны предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000 VII, and *Zakıcı v. Turkey* [GC], no. 23657/94, § 85, ECHR 1999 IV).

ii. Установление фактов

86. Суд отмечает, что им выработан ряд общих принципов, относящихся к установлению оспариваемых фактов, в частности, при расследовании случаев исчезновения по Статье 2 Конвенции (см. обобщённое изложение этих принципов в деле *Bazorkina v. Russia*, no. 69481/01, §§ 103-109, 27 July 2006). Суд также отмечает, что в процессе сбора доказательств должно учитываться поведение сторон (см. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 января 1978, § 161, Series A no. 25).

87_. Заявители утверждали, что 11 августа 2002 года их родственник Муса Ильясов был задержан российскими военнослужащими и впоследствии исчез. В подтверждение своей позиции о событиях, заявители, которые были свидетелями похищения, составили показания, рукописную план-схему своего дома и собрали свидетельские показания.

88. Правительство отрицало, что военнослужащие принимали участие в похищении Мусы Ильясова, и предположило, чтобы он мог быть похищен членами незаконных вооружённых формирований. Они сослались на отсутствие выводов из текущих расследований и ряд несоответствий в показаниях заявителей.

89. Суд отмечает, что с самого начала, несмотря на запросы о предоставлении копий материалов уголовного дела о похищении Мусы Ильясова, Правительство предоставило только копии допросов первого и второго заявителей и г-жи С. Правительство отказалось представить все документы, ссылаясь на Статью 161 УПК. Суд отмечает, что в предыдущих делах он уже находил это объяснение недостаточным для того, чтобы оправдать непредставление ключевой информации, запрашиваемой Судом (см. *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006 ... (выдержки)).

90. Принимая во внимание сказанное, а также с учётом указанных выше принципов, Суд считает, что он может сделать определённые выводы о поведении Правительства в данной ситуации.

91. Кроме того, Суд считает, что заявители представили последовательную и убедительную картину похищения их родственника. Он также отметил, что Правительство не оспаривало основные фактические элементы, лежащие в основе поданной жалобы, что и подтверждается показаниями заявителей и свидетелей, например, тот факт, что родственник заявителей был похищен вооружёнными людьми в камуфляжной форме, которые прибыли и уехали на военной технике, включая бронетранспортеры.

92_. Правительство указывало, что версия заявителей об этих событиях не была полностью подтверждена в ходе расследования, в частности в отношении точного числа военных транспортных средств и возможного присутствия на месте происшествия автомобиля «Нива» и БМП. Они также заявили, что ни один из заявителей были свидетелями

того, как Муса Ильясов был помещен в один из этих боевых транспортных средств.

93_. Суд принимает к сведению представленные Правительством замечания, но не убежден, что они могут поставить под сомнение достоверность показаний заявителей. Во-первых, по его мнению, вполне понятно, что заявители могли бы опустить или добавить некоторые детали, так как их показания были сделаны на разных этапах расследования. Во-вторых, во всех показаниях, рассмотренных Судом, заявители упоминают несколько БТР и УАЗ. Более того, г-жа А. в своем заявлении, точность которого не оспаривается Правительством, подтвердила, что в ночь на 11 августа 2002 года она видела два БТР и два автомобиля УАЗ, припаркованные у дома заявителей. Что касается утверждения о наличии БМП и автомобиля «Нива» на месте происшествия, Суд отмечает, что, когда первая заявительница упоминала о них, то она ясно сказала, что сама их не видела, но получила эти сведения от других лиц. Наконец, относительно утверждения Правительства, что заявители не видели, как их родственника поместили в какую-либо из машин, Суд отмечает, что третья заявительница видела, что вооруженные люди вели Мусу Ильясова по улице из дома с наволочкой на голове. Суд также отмечает, что заявителям было приказано оставаться в своих домах, и считает, что их вряд ли можно обвинять в том, что они подчинились приказу, отданному группой людей, вооруженных автоматами. В этих обстоятельствах Суд не может не предполагать, что злоумышленники приняли Мусу Ильясова с ними, даже если заявители не узнали точное время его ввода в любых транспортных средств, припаркованных в своих домах.

94_. Суд также не убедили доводы Правительства о том, что лица, которые приехали в село Мескер-Юрт могли быть боевиками, поскольку остается неясным, как колонна из нескольких военных машин с вооруженными членами незаконных вооруженных формирований могла пройти через военные блокпосты и осталась незамеченной. Суд считает, что тот факт, что группа вооруженных людей в форме, способная в ночное время свободно передвигаться по селу, которое контролировалось федеральными силами, задержала человека и прошла через блокпосты федеральных сил, решительно поддерживает утверждение заявителей, что это были сотрудники государства.

95. Суд замечает, что в случаях, когда заявитель предоставляет доказательства, достаточные при отсутствии опровержения (*prima facie*), и Суд не может сделать выводов о фактах дела вследствие отсутствия таких документов, Правительство должно предоставить объяснения, почему запрашиваемые документы не могут служить доказательством утверждений, сделанных заявителями, или обеспечивать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как рассматриваемые события произошли. Бремя доказывания, таким образом, возлагается на Правительство, и если оно терпит неудачу в своих аргументах, возникнут вопросы по Статье 2 и/или Статье 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 мая 2005, и *Akkum and Others v. Turkey*, №. 21894/93, § 211, ЕСПЧ 2005 II).

96. Принимая во внимание вышеупомянутые элементы, Суд удовлетворен, что заявители представили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения (*prima facie*), что Муса Ильясов был похищен представителями Государства. Заявление Правительства, что следствие не нашло никаких доказательств причастности спецслужб к похищению, недостаточно, чтобы освободить его от вышеупомянутого бремени доказывания. Делая выводы из отказа Правительства представить документы, которые были в их исключительном владении или предоставить другое убедительное объяснение рассматриваемых событий, Суд, полагает, что Муса Ильясов был задержан 11 августа 2002 года в своем доме в селе Мескер-Юрт представителями Государства в ходе непризнаваемой спецоперации.

97. Суд далее должен решить, может ли Муса Ильясов считаться мертвым. О нем не было никаких новостей со дня его похищения. Его имя не значится в списках находящихся в

каком-либо учреждении временного содержания. В итоге Правительство не представило информации о том, что с ним произошло после его задержания.

98. Принимая во внимание практику предыдущих постановлений по делам об исчезновении людей на территории Чеченской Республики (см., среди прочих, *Bazorkina*, цит. выше; *Imakayeva*, цит. выше; *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ЕСПЧ 2006-... (выдержки); *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, 5 апреля 2007; *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, цит. выше; и *Alikhadzhiyeva v. Russia*, no. 68007/01, 5 июля 2007), Суд заключает, что в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике, если кого-то задерживают неуставленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, то это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию. Отсутствие Мусы Ильясова, а также каких-либо сведений о нем в течение нескольких лет подтверждают данное предположение.

99. В соответствии с изложенным, Суд считает установленным, что 11 августа 2002 года Муса Ильясов был похищен сотрудниками Государства и должен быть признан умершим в результате его незаконного задержания.

ii. Соблюдение Государством обязательств по Статье 2

100. Статья 2, которая охраняет право на жизнь и оговаривает обстоятельства, когда лишение жизни может быть оправдано, рассматривается как одно из самых фундаментальных положений Конвенции, которое не подлежит никакому умалению. В свете важности защиты, предоставленной Статьей 2, Суд должен подвергнуть лишение жизни самому тщательному исследованию, учитывая не только действия сотрудников государственных органов, но также и все окружающие обстоятельства (см., среди прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, 27 сентября 1995, § 146-147, Series A no. 324, и *Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 391, ECHR 2001-II).

101. Суд уже установил, что родственник заявителей должен считаться мертвым вследствие непризнанного похищения сотрудниками Государства. При отсутствии какого-либо объяснения применению средств поражающей силы агентами Государства, предоставленного Правительством, Суд находит, что ответственность за его смерть должна быть возложена на Государство.

102. Следовательно, Суд постановляет, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении Мусы Ильясова.

(b) Предполагаемая неадекватность расследования похищения

103. Суд повторяет, что обязательство Государства защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции, взятое вместе с положительным обязательством Государства в соответствии со Статьей 1 Конвенции “обеспечивать каждому в пределах [его] юрисдикции права и свободы, закрепленные в Конвенции”, также требует провести эффективное официальное расследование, по факту убийства граждан в результате силовых операций (см. *mutatis mutandis*, *McCann and Others*, процитированные выше, § 161, и *Kaya v. Turkey*, 19 February 1998, § 86, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I). Необходимая цель такого расследования состоит в том, чтобы обеспечить эффективную реализацию внутригосударственных прав, которые защищают право на жизнь и, в случаях участия сотрудников государственных спецслужб, гарантировать ответственность этих сотрудников за смертельные исходы, произошедшие по их вине. Это расследование должно быть независимым, доступным для семьи жертвы, выполнено в разумные сроки и с особой тщательностью, эффективным в смысле того, чтобы определить была ли сила, используемая в сложившейся ситуации, оправданной или незаконной, и предоставить необходимый

элемент доступа общественности к материалам следствия или его результатам (см. *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, no. 24746/94, §§ 105-09, ECHR 2001-III, and *Douglas-Williams v. the United Kingdom* (dec.), no. 56413/00, 8 января 2002).

104. Суд сразу же отмечает, что Правительством не была предоставлена большая часть материалов уголовного дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были предоставлены сторонами, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

105. Обращаясь к фактам дела, Суд отмечает, что согласно заявителям, 12 августа 2002 года, то есть на следующий день после похищения Мусы Ильясова, они жаловались на его похищение в районную прокуратуру. Правительство не оспаривает сведений, поданных заявителями, и не предоставило никакой информации о дате возбуждения уголовного дела №59232. При ответе на запросы заявителей органы государственной власти ссылались на разные даты возбуждения расследования по делу №59232, указывая либо 19 сентября или 19 ноября 2002 года (см. пункты 34 и 39 выше). По всей видимости, 5 сентября 2002 года следствием были допрошены первый и второй заявители, и что в тот же день второй заявитель был признан потерпевшим. В виду отсутствия информации или доказательств того, что какие-либо следственные действия были предприняты до 5 сентября 2002 года, Суд приходит к выводу, что власти предприняли первые следственные действия в этот день, то есть через три недели после того как они были уведомлены о похищении Мусы Ильясова. Таким образом, расследование было возбуждено с отсрочкой, что подрывало эффективность следствия по такому преступлению, как похищение при угрожающих жизни обстоятельствах. И этому промедлению нет объяснения в данном случае.

106. Правительство утверждало, что следователи провели ряд важных следственных мероприятий. В частности, они осмотрели место происшествия, провели "обход дворов" на улице Ленина, имели место проверки в больнице города Шали и некоторых других неуказанных медицинских центрах в Шали, также были направлены несколько запросов о предоставлении информации в различные государственные структуры. Однако, помимо перечисления этих мероприятий, Правительство даже не указало дату, когда они якобы были предприняты, и тем более не были представлены какие-либо подтверждающие документы. В отсутствие такой информации, что Суд не может оценить, являлись ли следственные действия оперативными или же, напротив, они были предприняты в ходе рассмотрения текущих дел.

107. Даже если предположить, что вышеуказанные меры действительно были выполнены, то Суд не может не заметить, что другие важные следственные действия не были предприняты вообще. В частности, Суд не располагает информацией, что были попытки установить и допросить военнослужащих, которые находились на дежурстве на блокпосте у села Мескер-Юрт в ночь похищения Мусы Ильясова. Также нет никаких свидетельств того, что расследование предпринимало шаги, чтобы найти транспортные средства, описанные заявителями или установить их владельцев. Кроме того, хотя Правительство упоминает о проведении "обхода дворов" на улице Ленина, из имеющейся информации не следует, что расследованием была предпринята попытка выявить и допросить возможных свидетелей похищения Мусы Ильясова среди соседей заявителей, таких как Г-жа А.

108. Суд также отмечает, что хотя второй заявитель был признан потерпевшим по уголовному делу, следственные органы не признали потерпевшей вторую заявительницу не смотря на высказанную просьбу об этом (см. пункт 53 выше). Ни в каких документах не указывается, рассматривали ли власти вопрос о признании третьей заявительницы потерпевшей в ходе расследования уголовного дела №59232. В любом случае, как явствует из документов, представленных заявителями, они не были должным образом информировали даже о таких важных решениях, как приостановление или возобновление расследования. Это

означает, что следователи отказались обеспечить должный уровень общественного контроля над расследованием или гарантировать легитимность интересов родственников потерпевшего по делу (see *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 92, ECHR 1999-III).

109. В заключение, Суд отмечает, что расследование приостанавливалось и возобновлялось несколько раз, и существовал длительный период бездействия, когда никакие мероприятия по делу не проводились.

110. В свете возражения Правительства, которое было объединено с рассмотрением дела по существу, Суд обращает внимание, что эффективность расследования была подорвана уже на ранних стадиях отказом властей предпринять необходимые и срочные следственные мероприятия; весьма сомнительно, что какие-либо средства могли бы быть успешными в таком случае. Поэтому Суд считает, что упомянутые Правительством средства уголовно-правовой защиты были неэффективными при таких обстоятельствах. Суд отклоняет предварительное возражение, касающееся не исчерпания заявителями внутренних средств защиты с точки зрения уголовного расследования.

111. Правительство также утверждало, что у заявителей имелась возможность потребовать судебной проверки постановлений, вынесенных следственными органами, в контексте исчерпания внутригосударственных средств защиты. Суд учитывает, что заявители, не имея доступа к материалам уголовного дела и будучи не информированными должным образом о ходе расследования, не могли эффективно оспаривать действия или бездействия следственных органов в суде. Кроме того, расследование несколько раз возобновлялось самой прокуратурой вследствие необходимости дополнительных следственных мероприятий. Тем не менее, обращения заявителей так и не были рассмотрены должным образом. Более того, вследствие того, что с момента событий, в отношении которых поступила жалоба, прошло определенное количество времени, некоторые следственные мероприятия, которые следовало провести ранее, не могли принести видимых результатов. Таким образом, вызывает серьезные сомнения версия, что средство правовой защиты, на которое полагалось Правительство, могло принести какие-либо ощутимые результаты. Поэтому Суд считает, что средство правовой защиты, на которое полагалось Правительство, являлось в настоящих обстоятельствах неэффективным, и отклоняет предварительное возражение Правительства и в этой части.

112. В свете вышесказанного, Суд заключает, что власти не провели тщательного и эффективного расследования обстоятельств исчезновения Мусы Ильясова в нарушение Статьи 2 в ее процессуальной части.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

113. Заявители жаловались по Статье 3 Конвенции на то, что в результате исчезновения родственника и не проведения Государством добросовестного расследования этого преступления заявители испытывали душевные страдания. Они ссылались на Статью 3 Конвенции, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Доводы сторон

114. Правительство не согласилось с этими заявлениями и указало, что следствием не установлен факт бесчеловечного или унижающего обращения, нарушающего Статью 3 Конвенции.

115. Заявители настаивали на своих жалобах.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

116. Суд отмечает, что настоящая жалоба по Статье 3 не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дело

117. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особую степень и характер, отличные от эмоционального расстройства, которое можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответствующие факторы включают крепость семейных уз, особые обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи стал свидетелем рассматриваемых событий, участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и реакцию властей на подобные запросы. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте «исчезновения» члена семьи, но скорее относится к реакции и позиции властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что сам является жертвой действий властей (см. *Orhan*, цит. выше, § 358 и *Imakayeva*, цит. выше, § 164).

118. В настоящем деле Суд отмечает, что заявители являются близкими родственниками пропавшего. Первый и второй заявители — родители Мусы Ильясова, третья заявительница — его гражданская жена. Заявители были очевидцами похищения. Они не имеют никаких известий о нем более шести лет. В течение этого периода заявители обращались с запросами о своих родственниках в различные официальные органы. Несмотря на предпринятые ими усилия, заявители так и не получили какого-либо приемлемого объяснения или информации о том, что случилось с их родственником после похищения. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют и выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

119. В свете вышеизложенного Суд считает, что заявители испытали и продолжают испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения их близкого родственника и неспособности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать бесчеловечным обращением, нарушающим Статью 3.

120. Из этого Суд делает вывод, что в отношении заявителей имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

121. Далее заявители утверждали, что Муса Ильясов был задержан в нарушение гарантий Статьи 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае,

когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию".

А. Доводы сторон

122. Правительство заявило, что нет данных, которые подтверждали бы, что Муса Ильясов был лишен свободы в нарушение гарантий, предусмотренных Статьей 5 Конвенции.

123. Заявители повторили свои жалобы.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

124. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Таким образом, жалоба на нарушение Статьи 5 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

125. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также суд отмечал, что неизвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Zizek v. Turkey*, №25704/94, § 164, 27 февраля 2001 г. и *Luluçev*, цит. выше, § 122).

126. Суд считает установленным, что Муса Ильясов был задержан представителями Государства 11 августа 2002 года и с тех пор пропал. Его задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальные сведения об их дальнейшем местонахождении и судьбе отсутствуют. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

127. Суд далее считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их

родственников задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше рассуждения и выводы Суда в связи со Статьей 2, в частности, касающиеся характера ведения следствия, не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по защите родственников заявителей от риска исчезновения.

128. Исходя из этого, Суд считает, что Муса Ильясов был подвергнут неизвестному задержанию без соблюдения каких бы то ни было гарантий по Статье 5. Это является особенно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

129. Заявители жаловались на то, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

А. Доводы сторон

130. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали праву заявителей воспользоваться такими средствами.

131. Заявители повторили свои жалобы.

В. Оценка суда

1. Приемлемость

132. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

133. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Согласно установившейся практике Суда, Статья 13 Конвенции требует, чтобы на национальном уровне имелось правовое средство, позволяющее компетентному государственному органу принять решение по сути жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение ущерба, хотя государствам и дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Однако требование о наличии такого правового средства касается только тех жалоб, которые можно считать «потенциально достоверными» по смыслу Конвенции (см, помимо прочих источников, *Halford v. the United Kingdom*, 25 June 1997, § 64, *Reports* 1997-III).

134. Относительно жалоб на отсутствие эффективных средств защиты в связи с

жалобами заявителей по Статье 2, Суд напоминает, что учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, также проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и наказанию ответственных за лишение жизни, что, в частности, предполагает фактический доступ истца к процессуальным действиям, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и *Suheyli Aydın v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 мая 2005). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, цит. выше, § 183).

135. В свете приведенных выше выводов Суда в отношении Статьи 2, 3 и 5 указанную жалобу явно следует считать "потенциально достоверной" для целей Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, постановление от 27 апреля 1988 г., серия А № 131, § 52). Следовательно, заявители должны были получить эффективные и практически доступные средства защиты, способные привести к установлению и наказанию виновных и присуждению компенсации по Статье 13.

136. Из этого следует, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование по делу, возбужденному по факту насильственной смерти и исчезновения, было неэффективным, из-за чего была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства, включая гражданский иск, предложенный Правительством, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

137. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 в связи со статьей 2 Конвенции.

138. Касательно жалобы заявителей на нарушение Статьи 3 Конвенции, суд признал, что заявителям были причинены душевные страдания в результате исчезновения их близких родственников, неспособности выяснить, что с ними произошло и поведения властей в данном случае. Однако Суд отмечает, что он уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции в сочетании со Статьей 2 Конвенции ввиду поведения властей, вызвавшего душевные страдания заявителей. Суд считает, что при данных обстоятельствах не встает отдельный вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

139. Что касается утверждений заявителей о нарушении Статьи 5 Конвенции, Суд повторяет, что в силу сложившейся практики, когда более специфические гарантии Статьи 5 §§ 4 и 5, будучи *lex specialis* в отношении Статьи 13, поглощают и перекрывают собой требования Статьи 13, а также в свете приведенного выше вывода о нарушении Статьи 5 Конвенции в результате не признаваемого властями задержания, Суд не находит оснований рассматривать отдельно вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 5 Конвенции в обстоятельствах данного дела.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

140. Статья 41 Конвенции устанавливает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.”

A. Возмещение ущерба

1. Возмещение материального ущерба

141. Третья заявительница потребовала возмещения ущерба за потерю заработков их гражданского мужа Мусы Ильясова после его ареста и последующего исчезновения. Она потребовала 600 тысяч 128 российских рублей (руб.) в этой связи (что составляет 17.360 евро). Первый и второй заявители не предъявили никаких требований в части компенсации материального ущерба.

142. Третья заявительница указала, что Муса Ильясов был безработным на момент ареста и, таким образом, расчет его доходов должен быть основан на соответствующем уровне прожиточного минимума, предусмотренного национальным законодательством. Расчеты были выполнены с использованием Огденских страховых таблиц, изданных Правительственным Отделом Страховых Расчетов Великобритании в 2007 году (“Огденские таблицы”). Третья заявительница сообщила, что могла бы рассчитывать на его финансовую поддержку в будущем. Она предположила, какой могла быть его заработная плата с учетом ежегодной 10-процентной инфляции, и заявила, что могла бы надеяться на 30 процентов его доходов.

143. Правительство сочло требования третьей заявительницы необоснованными, и указало на наличие национального законодательства о назначении пенсии по потере кормильца, которым заявительница не воспользовалась.

144. Суд повторяет, что между материальным ущербом, компенсацию которого требует заявительница, и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь. Принимая во внимание вышеизложенные выводы, Суд считает, что существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении гражданского мужа третьей заявительницы и потерей ею финансовой поддержки, которую он мог бы предоставить.

145. Принимая во внимание замечания третьей заявительницы и тот факт, что Муса Ильясов был безработным на момент его похищения, Суд присуждает третьей заявительнице 2,000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму.

2. Возмещение материального ущерба

146. Заявители требовали присуждения компенсации морального вреда за страдания, которым они подверглись в результате потери члена их семьи, а также безразличия, проявленного властями в отношении них, и непредставления им никакой информации о судьбе их близкого родственника. Первый и второй заявители требовали 40,000 евро совместно, третья заявительница требовала 40,000 евро.

147. Правительство посчитало требуемую сумму чрезмерной.

148. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в связи с непризнаваемым задержанием и исчезновением близкого родственника заявителей. Сами заявители были признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции. Поэтому Суд признает, что заявителям был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Он присуждает первому и второму заявителям 20,000 евро совместно и присуждает 15,000 евро третьей заявительнице, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

D. Издержки и расходы

149. Заявителей в Суде представляла организация «Правовая инициатива по России». Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования по ставке 50 евро в час, составление юридических документов,

представленных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов «Правовой инициативы» и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи юридическим представительством 6,939.01 евро.

150. Правительство указало на то, что оно имеет право возместить только те издержки и расходы, запрошенные Судом, которые действительно были понесены заявителями и являлись разумными в отношении их суммы

151. Суду, во-первых, предстоит установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями, и во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others*, цит. выше, § 220).

152. Принимая во внимание представленные сведения и соглашения об оказании юридических услуг, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

153. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. В то же время Суд отмечает, что представители заявителей в соответствии со Статьей 29 § 3 передали в Суд свои замечания по приемлемости и существу дела как один набор документов. Суд в связи с этим сомневается, что на подготовку юридических документов было необходимо так много времени, как утверждают представители.

154. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 5,200 евро за ведение дела, плюс налоги и сборы, если они начисляются на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

Е. Выплата процентов

155 . Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* возражение Правительства относительно законности подачи жалобы третьей заявительницей;
2. *Постановляет* объединить возражения Правительства относительно неисчерпания уголовных средств защиты с рассмотрением дела по существу и отклоняет их;
3. *Объявляет* жалобы на нарушение Статей 2, 3, 5 и 13 Конвенции приемлемыми;
4. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Мусы Ильясова;
5. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Мусы Ильясова;
6. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении душевных страданий заявителей;
7. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Мусы Ильясова;
8. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части заявленных

- нарушений Статьи 2 Конвенции;
9. *Постановляет*, что нет оснований поднимать вопрос по Статье 13 Конвенции в отношении заявленных нарушений по Статье 3 и 5 Конвенции;
10. *Постановляет*
- (а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:
- i. 2 000 (две тысячи) евро, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в возмещение материального ущерба третьей заявителнице;
 - ii. 20 000 (двадцать тысяч) евро первому и второму заявителям совместно в качестве компенсации морального ущерба, и 15 000 (пятнадцать тысяч) евро третьей заявителнице в качестве компенсации морального ущерба, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы;
 - iii. 5 200 (пять тысяч двести) евро в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;
- (b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
11. *Отклоняет* другие требования заявителей относительно справедливой компенсации

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 1 октября 2009 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Андре Вампах, Заместитель Секретаря Секции
Кристос Розакис, Президент